

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ **И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК 1/14:80/81

В. ДИЛЬТЕЙ: ФИЛОСОФИЯ И ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО

А.А. Богатырёв

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (г. Тверь)

Обращение к философским основаниям эстетики и поэтики художественной коммуникации обнаруживает власть стереотипов и концептуальных мод позднейших времен над суждениями филолога о художественном. Отклонение стереотипных ожиданий по отношению к организации художественного текста открывает новые перспективы в разработке теории организации художественной содержательной формы текстов Новейшего времени.

Ключевые слова: поэтика, В. Дильтей, рефлексия, художественное.

Имеют ли философские сочинения отношение к большой литературе, вопрос дискуссионный и, возможно, решаемый в индивидуальном порядке, но то, что великая литература принадлежит сфере философского осмысления, не вызывает и тени сомнения. Как известно, поэтика Аристотеля строится на основе типологии смыслов, выведенной дедуктивным методом в целях деления жанров в зависимости от характера предметов мимезиса, познания / изображения. Установка на исчисление смыслов убедительно демонстрируется и в полной мере в частности, в ходе рассмотрения слагаемых трагедии (раздел 18 Поэтики [1, с. 167]). Здесь и далее мы исходим из презумпции междисциплинарной значимости «Поэтики» Аристотеля как суммы методологических рефлексий над миром смыслов и символов античной культуры. Более того, мы также склонны усматривать в оной прообраз европейского здания культуры и искусства на многие времена, хотя и не считаем ее в полной мере достаточной для детального описания и тонкого объяснения текстов литературы Нового и Новейшего времени. (Опыт критической поэтики Джордано Бруно, эстетики Романтизма и последующих поколений также важен, но и он опирается, в том числе в модусе отрицания, на поэтику ученика Платона.)

Прежде чем перейти к непосредственному предмету анализа и интерпретации остановимся на пресуппозициях, лежащих у истока одной частной поэтологической проблемы. Набор принимаемых нами исходных эстетических посылок в целом предельно тривиален. Эстетиче-

ское отношение признается гранью этического (Г. Гегель). Понятие художественности связывается с понятием глубины. Глубина сказывается / приоткрывается в потоке пробуждаемых текстом рефлексий (И. Кант). Художественный автор (понятие, введенное немецкими романтиками [3, с. 33]) овладевает воображением читателя посредством волшебного пера, получившего у французов имя Письма (*écriture* – с легкой руки Р. Барта [2] и др.). Письмо у каждого художественного писателя свое, разумеется, неповторимое и исключительно тонкое. Оно рассчитано на художественного читателя, обладающего недюжинным чутьем, ангельским зрением (cf. англ. *Second Sight*), неистощимым вниманием и необыкновенно развитым слухом, которым открыты самые тонкие нюансы смысла и формы. Мечта художественного читателя-филолога заключается в том, чтобы похитить секрет великого рассказчика, а гениальность писателя – в том, чтобы продлить данное мечтание до бесконечности.

Едва ли подобная эстетическая программа, как и любая другая, нуждается в доказательствах и иллюстрациях. Кроме того, в области эстетической иллюстрации предметные образцы не могут ничего доказывать, но только показывать, открываясь сочувствующему взгляду. И если демонстрацией в логике называется доказательство, то в области эстетической о демонстрации более приемлемо говорить в смысле, сходном с демонстрацией мод. Но если все же величие одного (художественного слова) может быть сколь-либо определено через ничтожество другого (читательского взора), то в подтверждение нашего тезиса мы можем предложить читателю попробовать рационально объяснить, что именно многих юные читательницы заставляет хихикнуть при чтении достаточно безобидной фразы – «Николай Петрович Колпаков»: «Однажды, когда она еще была моложе, красивее и голосистее, у нее на даче, в антресолях, сидел Николай Петрович Колпаков, ее обожатель» [11, с. 209].

Вполне возможно, что данный предметный образец и отсылает к понятию возвышенного по дуге иронии. Но ни характер ассоциируемого с фамилией Колпаков предмета, ни какие-либо другие ассоциации, даже такие, как «околпачивание», ни по-своему красивая, неожиданно трехдольная ритмическая танго-структура фамилии, имени и отчества, ни какое-то «неодушевленное» сказуемое «сидел» не объясняют мне обязательного девичьего смешка ни по отдельности, ни в виде некоторой органической партитуры. Мерцает некий смысл, как в воздухе повисший. «Вызывающая сомнения козырность кавалера» немедленно считывается.

Сенситивность, чувствительность к стилистическому воздействию наблюдается у многих читательниц, точка пробуждения переживания зафиксирована, но его источник не поддается четкому определению. Таким образом текст демонстрирует способность автора к деликатному квантованию художественно значимой «информации». *Ars est celare artem* – искусство сказывается в умении скрывать искусность. В этой связи несложно заметить, что понятие художественности пред-

ставляется нам синонимом искусности и полной противоположностью по отношению к понятию дискурсивности.

«Поэзия – это орган жизнеразумения, а поэт – ясновидящий, проникающий в смысл жизни. Здесь встречаются чуткость воспринимающего и творчество поэта» [6, с. 102]. Орбита, мега-идея, идея идей так называемой европейской / христианской культуры может быть схвачена в определении идеи христианского искусства, данном Львом Толстым: «требующая братского единения людей в свободе и радости» [10, с. 467, 483]. Не так, чтобы эта формула всё объясняла и исчерпывала, представляя путь и цель как нечто ожидающее только того, чтобы на них обратили внимание, но так, что один названный смысл-ценность опирался на множество не названных, но в его свете легко представимых подразумеваемых смыслов-ценностей.

Вместе с тем следует иметь в виду, что идея текста есть вопрос. «Под эстетической же идеей я понимаю то представление воображения, которое дает повод много думать, причем, однако, никакая определенная мысль, то есть никакое понятие, не может быть адекватным ему», - пишет И. Кант [7, с. 330].

Но вот в конструкторском бюро всеобщего дома большой идеи для всех людей появляется философ, располагающий методом разумного рассуждения, познающий сущность человека и творчества, исчисляющий смыслы, измеряющий расстояния между ними. Он видит цель, и к ней он направляет свою речь... Он формулирует и переформулирует цели, пути, методы... Он приводит аргументы и представляет чертежи вселенной, обозревает географию наших мыслей и страстей и пытается соединить воедино законы мироздания... И вот что пишет в связи с идеей больших философских обобщений в «Сущности Философии» В. Дильтей: «Стремясь выразить и связать всю совокупность воззрений, переживаний, ценностей и целей, как они даны в эмпирическом сознании, опыте или опытных науках, мышление идет навстречу понятию мира, возвращается к мировому принципу, мировой причине, стремится определить ценность, смысл и значение мира, требует мировой цели. Везде, где этот метод обобщения, упорядочения в целое и обоснования освобождается, побуждаемый тяготением к знанию, от частных потребностей и ограниченных интересов, он переходит в философию» (6, с 140).

Собственно отношение к философической состоятельности беллетристического текста может быть вполне скептическим: «Это большие стихи, но философски эти стихи... ничего не стоят» [12, с. 47]. Впрочем, можно утверждать с определенной долей уверенности, что встречаются и такие стихи и проза, которые пользуются уважением и у философов.

И вот мы сталкиваемся в литературе с тем фактом, что писатель пишет несколько «нечестно», т. е. немного не так, как настоящий художественный писатель, говорящий узорами да образами, а скорее прямо

излагает нечто, как философ. В частности, Герман Гессе под псевдонимом Э. Синклера во вступлении к роману «Демиан» (1919) пишет о том, что «жизнь каждого человека есть путь к самому себе, попытка пути, намек на тропу» [5]. И эти слова изобретенного писателем собственного двойника, писателя и повествователя Э. Синклера не представляются нам чем-то по настоящему новым в литературе. Но они интересны нам, поскольку толкуют следующие слова от лица Эмиля Синклера: «Мы можем понять друг друга; но объяснить может каждый только себя» [там же]. Резон Э. Синклера иллюстрируется также довольно тривиальной соматической метафорой: «Иной так и не становится человеком, остается лягушкой, остается ящерицей, остается муравьем. Иной вверху человек, а внизу рыба. Но каждый – это бросок природы в сторону человека» [там же]. Стоит ли здесь останавливаться на том пункте концептуального построения, что человек и есть пик эволюции или вершина творения по Синклеру? (Не знаем, какна счет самого Гессе.) И всё же принятие объяснения и понимания в фокус рассмотрения одновременно с положением о прерывности смысловых миров возвращает мне Гессе как писателя философствующего – философствующего в образах. И образы эти интервальные. Что имеется в виду под объяснением: слова или поступки? Что имеется в виду под пониманием, которое далеко от объяснения? Доступно ли объяснение каждому или только избранным? Говорится ли здесь о некотором единственно верном, о подлинном или об убедительном объяснении? Как решается вопрос о языке объяснения? Верно ли, что глубина понимания напрямую связывается здесь с готовностью объяснить? Верно ли, что объяснение как раз и образует тот великий рубежный предел, к которому всей душой стремится бытие? Не является ли объяснение всего лишь типичным немецким экспликативом – мелочным педантическим отчетом в своих действиях и поступках? Получается, что при определенных условиях и дискурсивная тактика в беллетристическом изложении способна вызывать не меньшее «семантическое беспокойство», чем орнаментальный текст. Философский предмет собственно тот же. Это – другой, придающий ситуации осмысленность. И как высказывается о Другом философ Э. Левинас, «он есть прежде всего и по преимуществу смысл – ибо наделяет смыслом само выражение, ибо только через него феномен значения как таковой привносится в бытие [8, с. 618]. И к какому же еще виду понимания апеллирует текст Гессе, если не к философскому? И здесь рубежом рефлексии выступает мировой принцип, человек как мировая цель. И это при том, что общая predisпозиция в оценке качества беллетристического текста по признаку искусного письма нарушена. Но она нарушена не только здесь и не только у Гессе. Намерение одного из героев «Ста лет одиночества» твердое – сфотографировать Бога. И этот бесхитростный сюжет также выступает источником известного лавинообразного пробуждения

рефлексии над посланием всего эпического текста Г.Г. Маркеса. И здесь также идет речь о коммуникации.

Несмотря на то обстоятельство, что предметные образцы беллетристических текстов не подбирались нами специально заранее, каждый из трех приведенных текстовых фрагментов так или иначе посвящен теме коммуникации, разумеется, – с другим. Заметим, что прямая интервенция нарратора /рассказчика в поле повествования никогда не рассматривалась нами в качестве тонкого стилистического приема. Но ориентация на межпредметную связь стимулирует понимающую и объяснительную установку текста с наиболее освещенной стороны – философической. Прямое отслеживание смыслов позволяет утверждать о выраженной идейно-художественной установке в текстообразовании. Согласно классику, эстетическая идея и есть «вопрос к душам и умам» [4, с. 77].

Рефлексия

Подход к поэтике беллетристического текстообразования («чистой литературы») с позиции исчисления представленных философской дискурсивной рефлексией смыслов-ценностей и смысловых объемов текста характеризуется двумя тенденциями – диверсифицирующей и нивелирующей. Диверсификационный подход представляется наиболее перспективным в отношении сравнительно бедных (малонасыщенных) в содержательном отношении текстов. Нивелирующую функцию дискурсивной философской рефлексии над поэтическим текстом не следует рассматривать в сугубо негативном, неантиципирующем ключе по отношению к высокой литературе. (Несмотря на то обстоятельство, что при этом содержательная форма орнаментальных текстов изящного словесного покрова / Письма может и не быть оценена по достоинству как знак высокого искусства.) Элемент уравнивания разностилевых текстов сходного смыслового объема / идейной направленности можно рассматривать как стимулирующий (англ. – *challenging*) в плане филологических разысканий в сфере постижения нестандартной содержательной формы.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика // Аристотель. Риторика. (Перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова) Поэтика. (Перевод В.Г. Аппельрота под ред. Ф.А. Петровского) / Сопровождающая статья В.Н. Марова. М., 2007.
2. Барт Р. Нулевая степень письма: пер. с фр. М., 2008.
3. Богатырев А.А. Схемы и форматы индивидуации интенционального начала беллетристического текста. Тверь, 2001.
4. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М., 1968. Т.1.
5. Гессе Г. Избранное / пер. с нем. С. Апта, Р. Эйвадиса. СПб., 2004.
6. Дильтей В. Сущность Философии. М., 2001.

7. Кант И. Сочинения: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса и др. М., 1966. Т.5.
8. Левинас Э. Избранное: Трудная свобода: пер. с франц. М., 2004.
9. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.
10. Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Л.Н. Толстой о литературе. М., 1955. С. 318–484.
11. Чехов А.П. Сочинения: в 18 т. // Полное собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1976. Т. 5 [Рассказы. Юморески], 1886.
12. Янгфельдт Б. Якобсон-Будетлянин: сб. материалов / сост, подготовка текста, предисл. и коммен. Бенгт Янгфельдт. Stockholm, 1992.
13. The Gadamer Reader: A Bouquet of the Later Writings – Hans-Georg Gadamer edited by Richard Palmer / Translated from the German. – Evanston/Illinois, 2007.

W. DILTHEY: PHILOSOPHY AND POETICS OF ART

A.A. Bogatyrioff

Tver State University, Tver

Applying direct meaning tracking method within frame of Poetics of Fine Art and Fiction provides an alternative insight into the nature of fascination of some XX century Fiction Reading, especially, concerning the idea of otherness and communication. The explication of the fascinative effect involves a split in écriture poetics approaches into Philological and Philosophic ones. So, two sorts of attention, corresponding to the idea of ‘inner ear’, are desirable in Reading practices.

Keywords: *Poetics, artistic writing / écriture, meaning, concept*

Об авторе:

БОГАТЫРЁВ Андрей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теологии ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: bogatyria@land.ru